Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Между Вифинией и Борисфеном: от ристалища Ахилла на Кальпе к прибытию Афродиты в Гилею

Д. К. Браунд¹

Аннотация. О Дионисии Ольвийском мы знаем лишь по нескольким словам, на которые ссылаются, когда речь заходит о реке Кальпа на северном побережье древней Вифинии. Обычно этого автора причисляют к числу немногих писателей Северного Причерноморья, но это маловероятно. Греки обычно называли Ольвию Понтийскую Борисфеном. Кроме того, Дионисий Ольвийский определенно писал об особенностях мифической топографии реки Кальпа, где по преданию Ахилл состязался в беге (как на Тендре и Левке): сюжет и употребление названия «Ольвия» позволяют предположить, что мы, вероятно, можем поместить Дионисия в ряду писателей Вифинии, уделявших внимание этим вопросам, так как Ольвия являлась частью Никомедии, царской столицы Вифинии. Обычно в качестве примера такого рода сочинений приводят малоизвестного Демосфена из Вифинии, а также Псевдо-Скимна. Исходя из общих мифологических связей между Вифинией, соседними регионами и Северо-Западным Причерноморьем, можно предположить, что Афродиту Уранию (которая пришла сюда не из Милета) считали прибывшей в Ольвию по пути, шедшему через Мраморное море, по которому туда добирались греческие мореплаватели.

Annotation. Dionysios of Olbia is known only from a few words quoted in connection with the river Kalpe on the north coast of ancient Bithynia. The author is usually believed to be one of a very few from the northern Black Sea, but that is unlikely. The Greeks usually called the Pontic city of Olbia by the name Borysthenes. In addition, this author clearly wrote about a detail of the mythical topography of the river Kalpe, where Achilles was said to race (as at Tendra and on Leuke): the topic and use of the name Olbia suggests that we should probably locate Dionysios among the many Bithynian writers on such matters, since an Olbia was part of the Bithynian royal capital, Nicomedia. The obscure Demosthenes of Bithynia is discussed as an example of this kind of work, as also Pseudo-Scymnus. Shared mythical links between Bithynia, neighbouring regions, and the north-western Black Sea may suggest that Aphrodite Ourania (who had not come from Miletos) was believed to have come to Olbia by way of the Sea of Marmara, as Greek sailors did.

Ключевые слова: Дионисий Ольвийский, Кальпа, Ахилл, Вифиния, Никомедия, Афродита Урания, Демосфен из Вифинии.

Keywords: Dionysios of Olbia, Kalpe, Achilles, Bithynia, Nicomedia, Aphrodite Ourania, Demosthenes of Bithynia.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-175-190

В начале статьи приведены достаточно известные сведения о топографии и топонимии Северного Причерноморья, особое внимание

уделено району Ольвии с общим устьем рек Гиппанис и Борисфен. Эти факты порождают большие сомнения в справедливости общепринятой точки зрения о том, что малоизвестный Дионисий Ольвийский происходил из Северо-Западного Причерноморья, особенно

¹ Dept. of Classics and Ancient History, CHUMS, Northcote House, Queen's Drive; Exeter, UK EX4 4QJ; e-mail: D.C.Braund@exeter.ac.uk.

если учесть тот факт, что в греческом мире много мест носили названия Ольвия. Далее будут высказаны доводы в пользу того, что, вероятнее всего, он происходил из Ольвии, лежащей напротив города Астака в «Ольвийском заливе», где царь Вифинии Никомед I в III в. до н. э. основал великий город Никомедия. Из сочинений Дионисия нам известен лишь краткий комментарий о реке Кальпа, у которой располагалось ристалище Ахилла. Очевидно, Дионисий знал этимологию названия Кальпы, связывая его с разновидностью состязаний в беге, что могло быть известно греческому автору, происходящему из Вифинии². Это приведет нас к более общим рассуждениям о сочинениях подобного рода в эллинистической Вифинии (Демосфена Вифинского и Псевдо-Скимна) и их влиянии на римлян I в. до н. э. Помимо этого мы видим не только масштаб мифотворчества, касающегося топографии региона, в том числе и суждения о сходстве греков Скифии с греками Вифинии (которое имело множество вариаций), так что Ахилл, например, мог фигурировать там в общих мифологических сюжетах. В конечном счете использование Проперцием вифинских традиций усиливает вероятность существования мифологической традиции, повествующей о прибытии Афродиты в Гилею.

Ольвия против Борисфена: концепции новых миров

В настоящее время в общих чертах установлено, что колониальное поселение на периферии греческого мира развивалось в течение столетий и что сказания об основании колонии возникали, по большей части, на базе устной традиции, существовавшей в самой

развивающейся колонии. Эти колониальные мифы должны были придать должный вид, мощь и величие неоригинальному городскому прошлому, включив в него богов, героев и описания эпических событий. Конечно, такое истолкование нуждается в том, чтобы мы привели доводы многих состоявшихся научных дискуссий о феномене колонизации, допускавших стремительное колониальное движение, предполагавшее момент «большого взрыва», когда первопереселенцы приезжали и сразу же основывали свою колонию. Это также важно для осмысления и более близкой нам по времени картины мира. В частности, борьба колонистов с испытаниями, связанными с освоением новой среды обитания, покажется не такой изнурительной, если мы будем рассматривать ее как часть длительного и поступательного процесса приспособления к новым колониальным условиям, сопровождавшегося конструктивными связями, по крайней мере с некоторыми группами обитателей, ранее населявшими колонизируемое пространство. Действительно, нам будет легче представить, как греческие поселенцы справлялись с трудностями освоения новых миров (с иными климатом, почвами, флорой и фауной, возможностями для охоты и рыболовства и, конечно же, новыми соседями), стоит нам только посмотреть на это не как на совокупность внезапно возникших проблем, а с точки зрения развития новых навыков и связей. Несмотря на то что для ранней стадии трудно выявить конкретные детали подобных процессов, все же достаточно ясно, что в этом случае эволюционное развитие, вероятнее всего, было гораздо более успешным, чем революционное. Мы также располагаем общими представлениями о росте креативности на периферии, безусловно, вызванном новой окружающей средой и ее обитателями. Исследователи, занимавшиеся изучением приграничья, по крайней мере начиная с XIX в., прекрасно представляли себе и эту креативную силу, и обратную связь, идущую от периферии к уже существующим ранее основанным центрам — или же, говоря на языке исследователей греческих

² Вопрос заключается не в месте рождения, а в месте, где осуществлялась творческая деятельность: мы можем полагать, например, что Менекрыт, подобным образом соотносимый (см.: FGhN 701) с Никеей и ее окрестностями, скорее всего, работал под покровительством Вифинии (см. ниже). Однако на этом основании нельзя утверждать, что он родился в Никее или даже в Вифинии, хотя, конечно, он вполне мог быть родом и оттуда.

колоний, от колоний к метрополиям и другим основным областям греческого мира³.

Геродот доносит до нас множество сведений (касающихся не только побережья Чёрного моря), которые помогают уловить суть этого креативного процесса. Говоря, например, о Геракле, он демонстрирует набор представлений местных греков о деятельности этого героя в Северо-Западном Причерноморье, что находит подтверждение в случайных эпиграфических находках (Hdt. IV, 8–10). В своем рассказе он недвусмысленно утверждает, что эти представления разделяют греки, живущие в Северном Причерноморье и районе Геллеспонта. Это были не истории, принесенные из мира Средиземноморья, так как они абсолютно не соответствуют многим бытовавшим там преданиям, создававшимся в традициях другого периферийного региона, Великой Греции (Braund, 2019, с подробной библиографией). Следует ясно понимать, что эти представления были не просто малозначащими историями, существовавшими независимо от других сторон культурной и общественной жизни. В частности, для Ольвии культ Геракла объясняется (особенно когда речь идет о Гилее) культовой этиологией. Это касается и всех ольвийских представлений о появлении скифов, об их происхождении от Геракла, которое выражалось не только в кровном родстве, но и в образе жизни. Между тем широкое распространение в скифском мире изображений Геракла может служить наглядным примером того, как версии его подвигов воспринимались местным населением, по крайней мере скифской элитой (процесс этот или протекал мирно, или сопровождался конфликтами, ср.: Hdt. IV, 59). Действительно, привлекательность Геракла в глазах местного населения можно наблюдать и в случае с тирагетами, утверждавшими, что именно в их землях герой превратился в бога, оставив след своей ноги в скале у Днестра⁴.

³ Более подробно об этих спорных вопросах см.: Braund, 2019a. Классическим исследованием о влиянии приграничного местоположения является работа Turner, 1920.

⁴ Hdt. IV, 82. Этот хорошо известный эпизод послужил поводом многочисленных дискуссий: см.

В сведениях о столь обширном мифотворчестве в регионе, с которым были связаны и другие важные персонажи и божества (Анахарсис, Кибела, Скил, Дионис, Афродита Урания, Ахиллес и др.), особо примечательно то, что в них можно, с одной стороны, найти отличия в деталях с традициями и концепциями колониальных регионов, а с другой, — черты, которые были присущи представлениям и в основных районах Греции, и в других местах на периферии. Растущие колонии, коллективно и в каждой общине, развивали свои собственные представления и терминологии. Мы можем выделить в этом процессе ключевые личности, формировавшие традиции и излагавшие свои взгляды публично с целью получить общественное одобрение, как, например, Сирик в крымском Херсонесе (IOSPE. I². 344; см.: Chaniotis, 1988 об этом «историке» и других, ему подобных). В городе бытовало убеждение, что он был основан (хотя бы изначально) Гераклеей Понтийской, расположенной в Вифинии на южном берегу Чёрного моря. Уже для конца V в. до н. э. мы имеем рассказ знаменитого Геродора, который со знанием дела писал о приключениях героя-основателя этого города, самого Геракла. Повествование, состоявшее из историй о его приключениях в Скифии и сопредельных областях, заметно отличалось от тех, которые рассказывали в большинстве областей греческого мира (о Геракле Геродора в Скифии см.: Braund, 2009; 2010; 2016; о культуре Гераклеи см.: Hall, 2019).

Эти мифологические рассказы иллюстрируют широко распространенные на побережье Чёрного моря и вокруг него, как, впрочем, и во всем античном мире, провинциализм и местный патриотизм. Возможно, самым ранним примером, свидетельствующим об этой тенденции, является тот факт, что ольвийские греки называли свой город Ольвией, а себя — ольвиополитами. Так могли их именовать и причерноморские соседи, о чем, например, свидетельствует надпись в честь Нила.

классическую работу: Граков, 1950. Для более позднего времени см.: Braund, 2018. Р. 213 (с библиографией).

В основных же регионах греческого мира и вообще на всем пространстве греческой культуры город этот обычно называли Борисфеном, а его жителей — борисфенитами. Геродот взял на себя труд (IV, 18) объяснить тот простой факт, что местное употребление отличается от общепринятого у греков и знакомого большинству его слушателей. В географической терминологии, так же как и в мифообразовании, местное значение названий могло значительно отличаться от считавшегося нормой в других областях. Геродот не вполне ясно объяснил, почему местная практика в этом случае была уникальной, однако он сообщил достаточно для того, чтобы попытаться это понять. Так как он указывает, что в этом локальном мире Ольвия находится более на Гиппанисе, чем на Борисфене, и потому «борисфенитами» здесь считаются (вполне обоснованно) те, что живут непосредственно на Борисфене. Он не упоминает о том, что его слушатели и так знали: что река Борисфен была важным ориентиром для всего региона и носила имя, давно и прочно укоренившееся в греческой культуре. Даже на больших расстояниях название Борисфен было совершенно понятно средиземноморским грекам, даже если оно влекло за собой неточности, имевшие местное значение. Город, который его жителям нравилось называть Ольвией, при взгляде на него издали находился, в общем и целом, в пределах огромной дельты могучего Борисфена, и этого было достаточно. Во всяком случае, как мы увидим далее, в Средиземноморье и даже в самом Черноморском регионе существовало множество других мест, претендующих на название Ольвия.

Эти двойные стандарты прекрасно иллюстрируют данные эпиграфики. Насколько мне известно, в надписях, обнаруженных в самом городе, его жители никогда не называются борисфенитами, однако всегда именуются ольвиополитами. Вместе с тем в надписях, найденных за пределами города, город почти всегда назван Борисфеном, тогда как в городских надписях используется название Ольвия. В текстах, письменных или литературных

источниках, известно ничтожно малое количество исключений, что, по-видимому, указывает на особую ситуацию. К таким исключениям относится почетный декрет, изданный в Томах в честь Нила, выходца из Тиры. В числе его славных дел упоминается и эффективная поддержка тех, кто ходит по морю «в город Ольвию» (εἰς Ὀλβίαν πόλιν: ISM. II. 5₁₆). Хотя текст этот был написан за пределами Ольвии, по своему содержанию он достаточно близок представлениям об этом городе, чтобы сделать это «исключительное употребление» понятным. Ведь в тексте из Том речь идет о благополучном пути из Том в Ольвию и о роли жителя Тиры в процессе, который обеспечивал сообщение и приносил выгоду городам, расположенным вдоль побережья. Следовательно, в этом случае мы даже могли ожидать, что Ольвия будет названа так, как предпочитали ее называть жители самого города. Впрочем, вероятно, что в Причерноморье существовала общепринятая практика называть этот город Борисфеном, как мы видим в позднеархаической надписи Фавла из Боспорского региона (SEG. 48. 1024). Конечно, этот короткий текст оставляет открытой возможность полагать, что его автор указывал не на Ольвию, а на другое, более определенное место (скажем, Березань) или же просто имел в виду неопределенное направление, подразумевавшее, к примеру, в целом район реки Борисфен. Мы не можем ждать от рассматриваемых текстов того, чтобы они демонстрировали заинтересованность в точности и определенности, выходящую за пределы их собственных нужд. Даже в гораздо более официальных контекстах термин «Борисфен» сохранял твердое значение точности предоставленных данных в широком понимании этого слова в той мере, в какой название могло не только указывать на северо-западную часть Чёрного моря, но и на важное расхождение в результатах измерений и на неясность того, что именно подразумевалось — место или же река. Для тех, кто находился за пределами Причерноморья, и для многих, живших в его пределах, такие уточнения не представляли большого интереса или же вовсе были

не нужны (е. g. ILS. 986, из Тибура недалеко от Рима, середина I в. н. э.).

Другим очевидным исключением является знаменитый декрет о монетной чеканке Ольвии — он особенно интересен как исключение, в действительности лишь подтверждающее правило (I. Kalchedon. 16). Эта надпись начинается с упоминания Борисфена, и, тем не менее, далее в ней вместо него употребляется название Ольвия. Более внимательное изучение показывает, что такое употребление не является ни непоследовательным, ни исключительным в общепринятой традиции этого города. Надпись делится на две части: первую строку и остальные. Первая строка представляет собой заголовок — «Для тех, кто плывет в Борисфен», затем следует «в соответствии со следующими правилами» (*kata tade*). Эти слова начинают вторую часть текста, которая воспроизводит основную часть городского декрета. Как обычно, город здесь назван городскими магистратами Ольвией. Однако в заглавии используется название Борисфен, и это происходит вовсе не из-за путаницы или желания определить местоположение какого-либо иного населенного пункта, нежели Ольвии, а потому, что этот документ предназначался для тех, кто входил в Чёрное море и прибывал в Гиерон, где, очевидно, и была установлена надпись. Соответственно, в каждой из двух частей текста использовалась терминология, адресованная, вероятно, двум разным группам людей. Для первой, которую составляли моряки в Гиероне, город назван Борисфеном, но в декрете, имевшем хождение внутри самого города, использовано название Ольвия. Точно так же, когда мы встречаем название Ольвия в свидетельствах, касающихся дипломатических отношений города с его метрополией, Милетом, мы не должны удивляться, что в них используется то название, которое предпочитали горожане (Milet. I, 3, 136).

Что касается отдельных личностей, то самым знаменитым ольвиополитом древнего мира был раннеэллинистический философ Бион. В основном биографическом описании этого философа Диоген Лаэртский всегда

называет его борисфенитом и никогда не пишет о нем как о жителе Ольвии, не соотнося его с этим названием (D. L. 4. 1ff.; cf.: *Kindstrand*, 1976). Это поразительная закономерность. В случае, когда речь шла о городе и его гражданах, в греческом мире обычно вообще предпочитали не употреблять название Ольвия и его производные, используя вместо них Борисфен, борисфениты и тому подобное. Действительно, в античной традиции мы не сможем обнаружить никакого внятного комментария по поводу этой нормы, ни, тем более, ее надежного объяснения. Сами греки, несомненно, были частично осведомлены об альтернативном варианте, но не менее ясно и то (по крайней мере, во времена Геродота), что сам автор мог стремиться к точности в деталях, что предпочитал делать и сам Геродот (Hdt. IV, 18). Столетиями позже, около 100 г. до н. э., в географической поэме был предложен необычный подход касательно появления названия Ольвия. Эту поэму написал для царя Вифинии Никомеда неизвестный автор, которого принято называть Псевдо-Скимном (*Braund*, 2019b). В этом произведении мы не найдем объяснения интересующего нас вопроса, зато обнаружим хронологию:

При слиянии рек Гипанис и Борисфен лежит город, прежде называвшийся Ольвией, а затем эллинами переименованный в Борисфен. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества (Ps. Scymnus. 804–9; перевод В. В. Латышева. SC. I. C. 88).

В этих лаконичных стихах предпринята попытка предложить версию истории города, согласно которой он каким-то образом был известен как Борисфен, затем как Ольвия, а позже опять как Борисфен. Тот факт, что поэт подчеркивает греческое использование названия Борисфен на «третьей стадии», представляется очень важным. Кажется, что поэтому в кратком сообщении говорится о том, что город (или, возможно, просто его местоположение) был известен как Борисфен до того, как греки называли его Ольвией, а после вернулись к его первоначальному названию.

Подобная история, безусловно, соответствует очевидно «греческому» названию Ольвия и явно негреческому (должны ли мы назвать его «скифским»?) наименованию Борисфен. Следует также отметить, что мы имеем здесь еще одно подтверждение того, что для греков было более привычно называть город Борисфеном. Однако это выглядит как попытка дать разумное рационалистическое объяснение факту, что город фигурировал под двумя названиями. У Геродота нет ни единого намека на изменения названий в разные периоды времени, однако, как мы могли убедиться, оба названия были в ходу одновременно. Даже при таких условиях мы можем предположить, что в этих кратких строках содержится некая подсказка, имеющая отношение к колониальной истории места, к тому, как эта история понималась в Причерноморском регионе и, вполне возможно, в самом городе. Эти стихи содержат важные знания и существенные подробности о греческих колониях на Эвксинском Понте, которые нигде более обнаружить нельзя. Царь Вифинии был меценатом, который, вероятно, проявлял особый интерес к названиям и истории греческих поселений, основанных в Понтийском мире. Мы можем быть совершенно уверены в том, что название Ольвия интересовало царя более других, так как его собственный город (или, по крайней мере, какая-то его часть) некогда носил это название, пока в середине III в. до н. э. не был переименован в Никомедию его предком, царем Никомедом I (Steph. Byz. s. v. Nikomedia; см. далее). В отличие от проявляемого вифинским правителем интереса, Страбон, например, не приводит никаких данных о том, что название Ольвия в какой-либо определенный период было более предпочтительным в использовании в устье Борисфена (см.: Strabo. VII, 3, 17, где название Ольвия упоминается в качестве альтернативного).

Необходимо понимать, что мы почти ничего не знаем о том, что думали в самом городе о его прошлом. Вполне возможно, что жители Ольвии также принимали участие в подобных исследованиях. Если это так, то нас не должно удивлять «протоэллинистическое»

предпочтение названия Ольвия названию Борисфен (учитывая или же не учитывая исторический подход Псевдо-Скимна), так как в греческом мире существовало множество городов, называемых Ольвией. В случае с Ольвией Понтийской, где бытовало и альтернативное название (ассоциирующееся с одним из самых знаменитых мировых рубежей, отчетливо соотносившимся с Чёрным морем), имелась очевидная выгода использовать именно его, именуя город Борисфеном. Стефан Византийский приводит длинный перечень городов, носящих имя Ольвия, где Понтийская Ольвия упоминается на втором месте, после Ольвии Итальянской (s. v. Olbia). Он, несомненно, знал и о других, например, об Ольвии на Красном море, не включенной в этот список, но также им упомянутой (s. v. Aitolias). Конечно, употреблению названия Борисфен способствовала и устойчивая тенденция давать городам имена местных рек. Таким образом, когда Дион Хризостом описывал свой визит в Ольвию после 100 г. н. э. в своей Борисфенитской речи (Or. 36), он довольно много говорил о реках, не упомянув, однако, об Ольвии. Напротив, в качестве названия города он приводит Борисфен, что было обычной практикой в греческой культуре.

Дионисий Ольвийский

К немногочисленным интеллектуалам и людям искусства, соотносимым с Северным Причерноморьем, обычно причисляют и некоего Дионисия Ольвийского⁵. Мы почти ничего о нем не знаем, так как он упомянут лишь в одном античном комментарии к Аполлонию Родосскому (schol. Ap. Rhod. 2, 658-9). Там по поводу нескольких слов, написанных родосским поэтом (который писал: καὶ εὐρείας ποταμοῖο ἥνας — «и широкие берега реки (Кальпа)» (Kalpe)), мы можем прочесть следующее примечание: Διονύσιος ὁ Ὀλβιανός

⁵ Основной работой на эту тему остается работа: Блаватский, 1978. Правда, положения ее гипотетичны: нет никаких оснований считать Дионисия источником Страбона (Strabo. VII, 3, 49). См. также: Dana, 2011.

ἱστορεῖ τὰς εὐρείας ἥϊνας λέγεσθαι Ἀχιλλέως δρόμους, «Дионисий Ольвийский утверждает, что широкие берега реки называются ристалищами Ахилла». Обычно этого Дионисия считают жителем Понтийской Ольвии, работавшим в эпоху эллинизма и написавшим в такой манере о ристалище (ристалищах) Тендры, расположенной неподалеку от Ольвии Понтийской или же, возможно, Левки, где также можно представить существование подобной площадки, или же в каком-либо другом месте Северо-Западного Причерноморья, например Бейкуше⁶. Эта общепринятая точка зрения на первый взгляд представляется справедливой, ее часто повторяли в тех случаях, когда речь шла об этом малоизвестном авторе. Однако отмечены и проблемы, связанные с подобной трактовкой.

Во-первых, и это самое важное, мы видели, что (как и в более известном случае, связанном с Бионом), маловероятно, что человека из Понтийской Ольвии называли бы ольвийцем. Скорее, его во всех случаях называли бы борисфенитом в соответствии с общими традициями греческой культуры. Как мы уже видели, житель Понтийской Ольвии мог быть упомянут как ольвиец в исключительных ситуациях, но даже в подобном случае (если мы в состоянии представить себе таковой) мы могли бы ожидать, что его назовут ольвиополитом (ὁ Ὀλβιολίτης). Эта форма в течение некоторого времени встречается у населения Понтийской Ольвии, она употреблялась внутри города и в его окрестностях. Но форма ὁ Ὀλβιανός, использованная античным комментатором, похоже, не засвидетельствована для

населения Ольвии в греческой эпиграфике. Следовательно, нам следует отнестись с большим сомнением к современной интерпретации этого древнего комментария, якобы свидетелевавшего о том, что Дионисий был сочинителем из города Борисфен. Существуют лишь два соображения, которые могли бы побудить нас сохранить некоторую симпатию к идее о том, что этот Дионисий был выходцем из Понтийской Ольвии. Это, во-первых, свидетельство Стефана Византийского о том, что жителю Итальянской Ольвии мог быть дан греческий этникон Ὀλβιανός так же, как и Ὀλβιολίτης. Хотя он и не говорит ничего подобного о Понтийской Ольвии, это сообщение можно было бы интерпретировать и «в пользу» ее жителей. Но обычные и засвидетельствованные формы, как мы видели, от них сильно отличаются. Более того, Стефан предлагает возможную форму Ὀλβιανός (для итальянского города) только во множественном числе, что вполне могло бы навести на мысль, что он встречал это слово только в форме множественного числа и оно использовалось для обозначения жителей Итальянской Ольвии как единого целого или же населения этого города вообще. В Понтийской Ольвии мы встречаем в подобных случаях лишь форму Ὀλβιολίται.

Вторая причина возможного сочувствия не более весома, но может вызвать дополнительный интерес к античному комментарию в целом. Упоминаемые автором «ристалища Ахилла» легче всего связать, как мы видели, с косой Тендры. Предположение, что Дионисия, писателя из Понтийской Ольвии, цитировали как авторитетный источник в рамках широкого ольвийского «локального кода», привлекало современных исследователей, однако интерес древних к Ахиллу и его «ристалищам» был широко распространен⁷, поэтому эти темы не требовали никаких специальных «местных» познаний или заинтересованности. И это вызывает вопросы иного рода. Почему схолиаст вообще решил цитировать

⁶ О Тендре, см., например: Hdt. IV, 55 and 76 (ед.); а также *Tinkina*, 2007; *Oller Guzman* (в печати). Представляется важным, что ристалище Ахилла могло быть локализовано также на Левке, например судя по свидетельству Арриана (Arrian. Per. 21.1). По-видимому, Еврипид (Euripides) был согласен с локализацией Арриана Ахилловых ристалищ (мн. ч.) на Левке (Andr. 436-7); несомненно, это было совершенно ясно если не для нас, то для афинских слушателей. Псевдо-Скимн (Ps.-Scymn. 821) использует то же слово, что и Дионисий, ἥϊον, хотя подчеркивает протяженность и, вероятно, узость, но не ширину. Что же касается Бейкуша и локализации там культа Ахилла, см.: *Нире*, 2006.

⁷ См. сноску 6, где речь идет о свидетельстве Еврипида.

Дионисия Ольвийского, в то время как в его распоряжении было множество других, более выразительных и авторитетных, источников информации? И какое влияние имели слова Дионисия на то, что сочинил на эту тему Аполлоний?

На самом деле комментарий связан не столько с темой ристалищ Ахилла, сколько с определенной местностью, описанной в поэме Аполлония Родосского. Он писал о широких берегах реки Кальпа. Античный комментатор отмечает, что Дионисий говорил о подобных берегах как о месте ристалищ Ахилла. Там нет ни единого намека на Тендру, и комментарий схолиаста был бы гораздо более уместен, если бы слова Дионисия относились к берегам реки Кальпа. В этом случае мы лучше понимали бы, почему была процитирована неизвестная работа Дионисия. Конечно, можно предположить, что берега Кальпы могли рассматриваться (как Тендра, Левка и, возможно, Бейкуш) в качестве места Ахилловых конных состязаний, по крайней мере так считал Дионисий. Мы не встречаем другого такого местного мифа во всех прочих текстах, хотя нужно отметить, что мы и о Кальпе знаем немного, несмотря на знаменитые размышления Ксенофонта о ее прибрежных областях как о чудесном во всех отношениях, за исключением враждебного местного населения, месте для колониального поселения (*Anab.* VI, 4). В то же время возможность существования такого местного мифа находит убедительное подтверждение в значении слова *kalpe*. Это был особый термин, означавший определенного рода упражнение в управлении лошадью и беге, о чем во II в. до н. э. поведал нам Павсаний, рассматривая последовательность событий, происходивших на Олимпийских играх:

Эта последняя (кальпа) состоит в скачке на кобылах; в конце состязания всадники, соскочив с них, бегут рядом с лошадьми, держась за узду, как в мое время делают так называемые анабаты; у анабатов и участников бега кальпы разница в том, что они носят различные значки и ездят на жеребцах (вместо кобыл) (*Paus.* V, 9, 1, 2; перевод С. П. Кондратьева).

Слова *káλπης δρόμος* подразумевают непосредственную возможность мифотворчества на вифинской Кальпе. В этой форме состязаний нет ничего непонятного. Такой вид состязания как *kalpe* фиксируется в Олимпии на протяжении большей части V в. до н. э., даже если предположить, что известность такого рода соревнований на греческих играх была небольшой (*Harris*, 1972. P. 158–159; *Golden*, 2004. P. 93). Похоже, что в Великой Греции такие состязания были более популярны (см.: *Thuillier*, 1988. P. 382), хотя, например, изображения на монетах Тарента не могут служить точной иллюстрацией *kalpe*, при том что изображения на монетах других центров, особенно Эритреи, представляют этот вид состязаний не очень отчетливо⁸. Однако важным моментом здесь является не популярность или непопулярность *kalpe*, а тот факт, что греки, очевидно, различали слово *kalpe* как означающее этот вид конного спорта (см. также: *Plut. Mor.* 674d–675b). Действительно, слово *καλάζω* означало «Я иду рысью» (*LSJ*, s. v.), в то время как историческое и лингвистическое происхождение топонима Кальпа остается неизвестным. Название разновидности скачек *kalpe* могло легко приводить греков к мысли о том, что она происходит от состязаний, устраивавшихся там в прошлом. Слава этих прибрежных земель как родины быстрых лошадей могла только усиливать эту связь (см., например: *Devereux*, 1964 об энетских лошадях Ипполита). Ахилл был главным мифологическим персонажем на территории Северо-Западной Малой Азии. Со времен Гомера он имел репутацию быстрого героя, владевшего к тому же прекрасными лошадьми. Он был бесспорным кандидатом на роль участника *kalpe* на Кальпе. Трудно понять, подталкивало ли представление о его связях с Левкой и Северо-Западным Причерноморьем мифографов представить его в качестве участника ристалищ на Кальпе или же нет. В этой

⁸ *Brauer*, 1974–1975 предполагает со знаком вопроса, что на них была изображена именно *kalpe*. Последующие исследователи в этом явно не сомневались (см.: *Golden*, 2004. P. 93).

связи нужно отметить краткие указания на то, что образ Партенос был важен в местных мифах Северо-Западной Малой Азии, так же как и в мифах областей, лежавших за морем к северу, а связь Партенос с Ахиллом на территории большей части Причерноморья достаточно очевидна (*Braund*, 2018, особенно С. 35, где речь идет о реке Парфений (совр. Бартин); о Геракле в этих регионах см. ранее). Если не принимать во внимание эту цепочку ассоциаций и большое значение Трои в этом регионе, Кальпу в Вифинии, вероятно, можно было бы объяснить с помощью совсем иных слов, так же как и Кальпу на Гибралтаре, так как слово *κάλπη* могло обозначать и кувшин (LSJ, s. v. *κάλπη* (B)). При этом мы должны отметить, что Ахилл, культ которого зафиксирован близ вифинской Кальпы, отнюдь не был единственным мифологическим звеном, связывающим этот район с Фессалией⁹. Вероятно, мы приняли во внимание лишь некоторые мелкие фрагменты из сокровищницы греческих традиционных знаний о местном ландшафте побережья Вифинии и близлежащих районов.

Ни о чем нельзя судить с полной уверенностью, однако изложенное позволяет предположить, что схолиаст, скорее всего, решил процитировать Дионисия Ольвийского, потому что последний писал о традиции, согласно которой у Ахилла были скаковые ристалища на берегах Кальпы, вне зависимости от того, знал он или же нет о существовании подобных ипподромов где-либо еще. Так как весьма вероятно, что писатель из Вифинии предложил подобную трактовку этого неясного места, мы можем далее предположить, что Ольвия (маловероятно, что это была Понтийская Ольвия) располагалась в Вифинии. Там Ольвия упоминается как часть того, что стало городом Никомедия (*Steph. Byz.* s. v. *Nicomedia*), о чем уже говорилось.

Этот вопрос требует осторожности и некоторого пояснения, так как недостаточность

содержащихся в античной традиции сведений привела ученых к тому, что они судили об основании Никомедии, опираясь на не самые точные данные, что вполне могло привести к ошибочным выводам. Это прекрасно продемонстрировано в классической работе Д. Ашери, даже если мы и не согласны со всеми деталями его аргументов¹⁰. Основание Никомедии в середине III в. до н. э., очевидно, повлекло за собой синойкизм двух более ранних поселений, а именно Астака и Ольвии. Мы должны отчетливо это представлять, так как современные исследователи часто пренебрегают ролью Ольвии, как показал Д. Ашери в своем исследовании запутанного мифа об основании Никомедии, от которого до нас дошли лишь несколько сюжетных линий (например, *Steph. Byz.* s. v. *Astacus*), упоминаемых Аррианом из Никомедии.

По-видимому, существовала ранняя связь (отразившаяся, по крайней мере, в мифе) между Астаком и Ольвией, нимфой этой области, о которой мы знаем немного. Если мы отождествим с Ольвией (что кажется нам весьма привлекательной идеей) изображения женской головы на монетах Астака, выпущенных с V в. до н. э., то это даст веские основания для предположения, что эти два поселения были соединены в Никомедию (*Head*, 1911. P. 510; *Asheri*, 1978. P. 95). Если это предположение верно, то создание Никомедом I объединенного поселения вовсе не было таким уж удивительным, как может показаться. В то же время сопроводительный миф представляется укорененным в местных традициях, что увеличивает его значение в связи

⁹ Так как аргонавты достигли Кальпы, Аполлоний вспоминает миф о Дипсаке и миф о прибытии туда Фрикса на златоуном баране.

¹⁰ *Asheri*, 1978; cf.: *Robu*, 2014. Д. Ашери в своем исследовании о взаимосвязанных традициях беотийцев и мегарцев, возможно, зашел слишком далеко, говоря о незначительной роли культа Посейдона в Мегаре. Мы знаем, что для колониальных процессов была характерна не только религиозная преемственность, но и инновации, как в случае с ролью культа Афродиты Урании в милетских колониях, который, по-видимому, приобрел там большее значение, чем в самом Милете; подробнее см.: *Braund*, 2018, гл. 5 и сл. Интересно также, что мы вновь фиксируем традиции Мегар и Беотии в Геракле Понтийской и, следовательно, в Херсонесе Таврическом: *Braund*, 2018. P. 2.

с основанием поселения: в этом случае он не может считаться грубой выдумкой, созданной в III в. до н. э. в угоду политическим обстоятельствам. Что касается города Ольвии, то можно предположить, несмотря на извечную неопределенность в отношении его точной локализации, что это была та часть нового города, которую Мемнон из Гераклеи Понтийской помещает «напротив Астака». Это хотя бы указывает на географическую связь между двумя поселениями, в связи или же вне связи с Никомедией, на берегу залива, который Мела в I в. н. э. все еще называет *sinus Olbianus* (1. 100) (FGrH 434 F20; Asheri, 1978. P. 94). Конечно, наши ограниченные данные наводят на мысль о том, что Астак также в какой-то мере сохранял свою самобытность даже столетия спустя после создания Никомедии (см.: Asheri, 1978. P. 94, особенно прим. 8). Только по этой причине, если бы мы пожелали отнести Дионисия Ольвийского к периоду более раннему, чем III в. до н. э., например, ко времени, предшествующему образованию Никомедии, подобная датировка не могла бы быть надежной.

О существовании Дионисия вообще забыли бы, если бы не стихи Аполлония Родосского. Здесь, однако, стоит сказать несколько слов о культурной жизни эллинистической Вифинии, в границах которой мы, вероятно, должны его помещать. Таким образом мы сможем в какой-то мере ощутить дух его сочинений. Некоторые их компоненты достаточно ясны. Расположенная на черноморском побережье Гераклеи Понтийская имела богатые мифографические и историографические традиции, а также значительные достижения в области философии, драматургии и искусства. Она была тесно связана с имперскими Афинами, и эти отношения, несомненно, играли огромную роль в культурной деятельности тиранов IV в. до н. э. и широких кругов элиты (подробнее см.: Hall, 2019). Мифографу Геродору, благодаря его большому труду о Геракле, главном божестве города, принадлежит здесь особое место. Чрезвычайно интересно то, что Геродор предложил версию отношений героя со скифами, полностью

отличающуюся от той, которая была традиционной для Ольвии-Борисфена. Хотя мы не думаем, что он писал об Ахилле на берегах реки Кальпа (при всей ее близости к городу), его обработка сюжета о Геракле показывает, что вифинский автор, вероятно, придерживался совершенно иной версии регионального мифа. Потому что герой Геродора научился стрельбе из лука у скифа, тогда как в рассказе Геродота, составленном на основе того, что он услышал в Ольвии-Борисфене и округе, говорится, что скифы научились у Геракла обращаться с луком и переняли от него много других навыков (Braund, 2010; cf.: 2016).

Однако мы знаем гораздо меньше о писателях, живших в геллеспонтских городах Вифинии в V в. до н. э. и позже, до прихода сюда Рима, образования провинции Азия и последовавших затем Митридатскими войнами. Нет необходимости в том, чтобы рассматривать здесь все эти события, но мы можем быть уверены, что цари Вифинии, как и другие эллинистические правители, были заинтересованы в развитии культуры при своих дворах. Замечательная географическая поэма Псевдо-Скимна, написанная для царя около 100 г. до н. э. и изложенная научным языком современной литературной теории, может служить иллюстрацией потенциальных возможностей царского покровительства и его результатов. Хотя особый интерес в Никее Вифинской вызывает Парфений благодаря своей интересной мифографии и поэтическому мастерству, мы, вероятно, все же должны рассматривать его труды в более широком контексте культурного мира Вифинии. Этот мир, конечно, был частью эллинистической культуры (что, например, отчетливо отражено в замечаниях Псевдо-Скимна о царском патронаже в Пергаме и его результатах). Когда представители культурной римской элиты и близких к ней кругов (Цезарь, Меммий, Катулл и другие) прибыли в Вифинию, они обнаружили, что регион находится под военным, политическим и экономическим гнетом, но в то же время здесь процветают все виды литературы и мифотворчества. Конечно, Цезаря, например, особенно интересовала

близость Трои, тогда как в рассказах о Геракле и всем цикле греческих мифов можно было обнаружить темы, имевшие непосредственное отношение к действительности, новые ракурсы и детали, как в очень короткой истории об Ахилле у реки Кальпа или же в более пространных преданиях об аргонавтах, о его родителях Пелее и Фетиде; здесь также можно было увидеть замечательные местные культы и встретить людей, которые их практикуют (см.: *Wiseman*, 1985; cf.: *Braund*, 2019b).

Демосфен Вифинский

Вопросу о том, в чем выражалось (если отбросить обоснованные сомнения) влияние вифинской мифографии на римскую поэзию Проперция, уже было уделено большое внимание (*Cairns*, 2011; cf.: *Hutchinson*, 2013, P. 109–113). Здесь стоит поговорить об этом подробнее, так как этот вопрос связан с эллинистической культурой Вифинии и ее приоритетами, а также ее проявлениями в Риме. Мы можем поразмышлять о том, что общего было у Демосфена и Дионисия Ольвийского, даже если это и не обещает нам новых открытий. О Демосфене мы знаем больше, чем о его вифинском собрате. Исходя из дошедших до нас фрагментов, его можно считать эллинистическим автором, хотя поверхностный критицизм Полибия (см. далее) делает его, по меньшей мере, на столетие, а возможно, и на два или три, старше Проперция, жившего в эпоху Августа. Рассмотрев несколько дошедших до нас фрагментов текстов Демосфена, мы отметили несколько сюжетов, сходных с теми, которые затронуты в рассказах Дионисия про ристалища Ахилла на Кальпе — культ Зевса Тарентийского в вифинском Тарасе (FHG fr. 1); существование Тарса в Вифинии (fr. 2); покрытая травой гора Тевмесс (fr. 3); Александрия в Трояде (fr. 4); скрытые опасности пещеры Геры близ Халкедона, как Демосфен, поселенец на берегах Артаки во Фригии близ Геллеспонта (fr. 6, далее мы скажем об этом подробнее), передавал это название (fr. 5); гора Косс в Вифинии (fr. 7); изобретения карийцев (fr. 8); идиосинкратическая традиция, согласно которой Амастрий

в Пафлагонии получил свое название от имени амазонки (cf.: *Eustath. ad Dionys. Per.* 828), а не по имени жены Дионисия, тирана Гераклеи Понтийской (fr. 9); упоминание Аполлонии во Фракии как ионийского города (fr. 10); нетрадиционная орфография для Дорилея во Фригии (fr. 11); город Кресса в Пафлагонии, основанный Мерионом после Троянской войны и захваченный Зиаэлом, сыном Никомеда I (fr. 12); фессалийский обычай объяснять название города Олизон (fr. 13); Лампсак, основанный Приапом, сыном Диониса и Афродиты (fr. 14); трактовка слова Халкея в Ливии как названия города, которое Полибий объявил ошибочным (fr. 15). Здесь Демосфен писал о том, что было в значительной мере за пределами его обычного региона, возможно, его привлекло место под названием Халкедон, и потому у нас нет сомнений в его авторстве, в поддержку которого высказался даже Полибий, сообщавший о неосведомленности Демосфена в ливийском вопросе. Наличие в прибрежном районе Вифинии крепости под названием Либисса может также быть существенным фактом (*Steph. Byz. s. v.*). Так как Стефан не считал Демосфена вифинцем, приведенная выше цитата Демосфена является единственной в его большом труде. Демосфен был также одним из приверженцев вифинской идеи о том, что фракийцы перешли в Азию в то время, когда там находились киммерийцы и их предводитель Патар (*Pataros*) основал в Пафлагонии город Тиос, назвав его согласно одному из вариантов имени Зевса¹¹.

Принимая во внимание факт, что все исследуемые нами фрагменты текста Демосфена сохранились в единственной работе Стефана Византийского, мы вполне можем допустить, что смысл его записей был искажен. Конечно, так как почти все было взято из его «Вифиники», мы не можем быть полностью уверены в его *Ktiseis*. Однако труд о Вифинии, несомненно, был огромным и состоял,

¹¹ *Steph. Byz. s. v. Tios*; см.: *Magie*, 1950. P. 1193, прим. 28 к Арриану и далее. Современный лингвистический комментарий см.: *Lubotsky*, 2004. У нас есть свидетельство, что Демосфен посетил Дрепанон в Вифинии (*Steph. Byz. s. v.*).

по меньшей мере, из десяти книг, написанных стихами. Также ясно, что он был в основном посвящен Вифинии, но мы полагаем, что автора могли привлекать и другие районы, особенно соседние с Вифинией, куда (не только во время войны) могли ездить вифинцы. Исключительно большой объем «Вифиники» свидетельствует о чрезвычайно широком освещении выбранной автором темы, что, в свою очередь, могло соответствовать его стремлению показать Вифинию как чрезвычайно значимую область. Имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты могут быть характерны или же нехарактерны для всей его работы, но они демонстрируют склонность автора к описанию топографии, местных мифов, языковых особенностей, что в большой степени соответствует поэтике Псевдо-Скимна и тому, что мы могли бы легко представить в сочинениях Дионисия Ольвийского. Особенно выразительным в этой связи является фрагмент 13, так как здесь фигурирует греческий герой — скорее Мерион, чем Ахилл, прославленный (по меньшей мере) в вифинском контексте. Согласно этой традиции, герой пришел после Троянской войны из Пафлагонии и основал Крессу. Здесь важно и то, что Гомер особо упоминает Мериона как танцора, а представления этого автора о танцующих воинах были далеко не абсурдны (*Iliad.* 16.617–18 (*Meriones*); cf.: 7.238–41 (*Гектор, Арес*); подробнее см.: Braund, 2019b о военных и других танцах в Вифинии и Пафлагонии). Несмотря на то что Стефан не дает удовлетворительного объяснения, какое же значение все это имело для Вифинии, он сообщает достаточно, чтобы привести нас к мысли, что захват города Зиаэлом был ключевым моментом, привлечшим внимание автора к этому сказанию. Если это так, то мы можем предположить, что его работа написана после этого события, произошедшего во времена правления вифинского царя (Зиаэл правил в 254–228 гг. до н. э.) и примерно до конца II в. до н. э., к этому времени относится и критика Полибия. Названные даты, окружение и интересы Демосфена, кажется, вполне соответствуют тому, что мы можем представить и для нашего

малоизвестного Дионисия: это соответствие выражается в упоминании вифинских «двойников» для чужеземных феноменов, обращении к Гомеру и даже в интересе к Фессалии.

Для изучения Дионисия Ольвийского еще более интересен, хотя и в гипотетическом смысле, фрагмент 6. Если верно то, что фрагмент 6 Демосфена в некотором смысле восходит к грезам Проперция о возможных странствиях его возлюбленной Кинфии (*Cairns*, 2011), то мы должны отметить, что Проперций и, возможно, Демосфен связывали Артаку, расположенную на том же полуострове, что и Кизик, с Гилеей недалеко от Понтийской Ольвии. Если в соответствующей рукописи вопросы были изложены именно таким образом, то мы имеем здесь образец поэзии, ведущей свое начало от бытовавших в Вифинии представлений о путешествиях, которые, вероятно (Проперций почти ничего об этом не говорит), предпринимались из Гелеспонтской Фригии в Северо-Западное Причерноморье. Мы можем отметить существующие между этими регионами связи, которые вполне согласуются с декретом, помещенным северными ольвиополитами в вифинском Гироне (см. ранее). Эти связи также могли способствовать «перенесению» Ахиллова ристалища с берегов Кальпы на север, на Тендру и в другие места этого региона.

Однако существует еще один важный момент для тех, кто изучает древнюю историю Причерноморья. Гилея представляется необычным пунктом назначения как для Кинфии, так и для любого другого путешественника. Анахарсис не высадился там на берег¹². Гилея была местом диким и опасным, где город Ольвия отправлял свои важнейшие культы. Она была также ключевой точкой для историй, относящихся к этиологии ольвийских культов. Особенно отчетливо эта связь прослеживается для культов Геракла и Кибелы, но не стоит исключать и другие. Среди

¹² Геродот (*Hdt.* IV, 76, 4) писал о том, что Анахарсис высадился на берег в Скифии и затем укрылся (*καταδύς*) в Гилее, чтобы провести обряды, посвященные Кибеле, сменив открытую степь на укрытие под кронами растущих здесь деревьев.

важных богов Ольвии Понтийской, связанных с Гилеей, мог быть и Аполлон: то обстоятельство, что Аристей, выйдя из окрестностей Артаки, возможно, прошел недалеко от Гилеи на своем пути на север, к исседонам, скорее всего, не было простым совпадением (Hdt. IV, 13). Было бы совсем неудивительно, если бы Ольвия заявила притязания на связь с этим знаменитым милетским колониальным чудотворцем, поэтом и служителем Аполлона¹³.

Однако, как я полагаю, для любовной поэмы Проперция Афродита была гораздо важнее. Путешествуя из Артаки в Гилею, Кинфия следовала бы по пути Афродиты из одного ее жилища к другому. Потому что во фрагменте 6 Демосфен рассказывает о человеке, поселившемся в Артаке, где упоминает также и местную Афродиту, имевшую там святилище. Несмотря на то что этого поселенца обычно считают мужчиной, греки допускали, что персонаж этот на самом деле мог быть женщиной и богиней. Сохранился фрагмент, принадлежавший Стефану Византийскому, который завершает описание его прибытия в Артаку такими словами:

καὶ Ἀρτάκιος εἶπε Δημοσθένης ἐν θ Βιθυνιακῶν, 'νάσσοτο δ' Ἀρτακίοισιν ἐφέστιος αἰγυαλοῖσιν'. οὕτω γὰρ αὐτόθι ἡ Ἀφροδίτη καλεῖται.

И Демосфен в 9-й книге своей «Вифиники» сказал Ἀρτάκιος, и она поселилась на берегах Артаки. Это потому, что так там называется Афродита (Steph. Byz. s. v. Artace).

Стефан не пишет о том, что поселенец, упомянутый Демосфеном, был Афродитой, но он, по крайней мере, засвидетельствовал здесь существование ее святилища. Упоминание Стефаном богини в дополнение к приведенной цитате из вифинца свидетельствует в пользу предположения, что на самом деле Демосфен действительно писал о ней. Если мы примем это предположение, то должны задаться вопросом: направлялась ли Афродита,

подобно Кинфии, в Гилею? Мы знаем, что в Ольвии Понтийской эта богиня играла важную роль, знаем и то, что она была не просто частью пантеона, принесенного из Милета. Однако о ее прибытии в Ольвию нам ничего неизвестно. Тот факт, что даже в эпоху архаики ее называли (иногда) сирийской богиней, указывает, что, вероятно, существовало некое повествование о ее прибытии издалека (Braund, 2018. P. 192). В использовании текста Демосфена Проперцием, правда, опосредованном, мы можем увидеть намек на то, что были люди, полагавшие, что она приезжала в Гилею из Артаки, где находилось ее святилище.

Заключение

По моему мнению, вышеизложенное дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, мы должны считать Дионисия Ольвийского гражданином одной из многочисленных общин, ни одна из которых не носила название Ольвия Понтийская. Пока же, на основании того, что он был борисфенитом, можно предположить, что он, скорее всего, был воспитан на мифографических и географических традициях Вифинии, что явственно следует из его интереса к малоизвестным берегам реки Кальпа. Мы, возможно, должны помещать его в Вифинской Ольвии, бывшей частью агломерации, возникшей в результате синойкизма, который в середине III в. до н. э. привел к созданию Никомерии. Его локализация Ахилла на Кальпе может быть понята в рамках связей Вифинии с событиями Троянского цикла и созданием местной мифологии, которая соединила разные и порой противоречивые традиции, бытовавшие в западной части Чёрного моря.

Во вторых, с меньшей уверенностью можно говорить о том, что Демосфен Вифинский (250–150 гг. до н. э.?) был еще одним писателем в рамках этой вифинской культурной традиции, с интересами, перекликающимися с интересами Дионисия. Правда, об этих общих темах можно судить лишь приблизительно, на основании немногих сохранившихся фрагментов. К этой традиции можно отнести и Псевдо-Скимна и поразмышлять

¹³ Отметим, что имя Кинфия напоминает об Аполлоне.

о потенциальных возможностях царского патронажа для Дионисия и Демосфена, творчество которых (насколько мы можем судить) имело ценность для царя Вифинии в условиях соревновательной культурной политики эллинистического мира. Интерес Рима к культурной жизни Вифинии, вифинским писателям и их творчеству (особенно в области мифологии и географии) широко известен. Этот интерес, бесспорно, был универсальным явлением и проявлялся в отношении нескольких фигур, среди которых выделяется Парфений. Здесь мы бегло коснулись того, как Проперций мог использовать текст Демосфена Вифинского. Это перенесло нас, вслед за вифинским автором, из Геллеспонтской Фригии в Ольвию Понтийскую. И там мы нашли некоторые основания для того, чтобы предположить существование мифологической традиции, согласно которой Афродита прибыла из Сирии в Гилею, дику и отдаленную область болотистых лесов, с которой Ольвия

соотносила некоторые из своих главных культов. Если в этих рассуждениях есть какой-либо смысл, то мы должны, в конечном счете, прийти к заключению, что наше самое полное и яркое представление о Гилее основано не на рассказе Геродота, который мало сделал для ее описания, а на так называемой Борисфенитской речи Диона Хризостома, автора из Вифинии, который, как полагают, посетил Ольвию Понтийскую и разглагольствовал о ней перед широкой публикой в своем родном городе, Вифинской Прусе (Or. 36, 3). Очевидно, хотя огромное море и отделяло Вифинию от скифского побережья, в Вифинии считали важным осмысливать мифологические и географические повествования о тех же самых героях, богах и связанных с ними местах, которые были известны в Скифии, если даже (как в случае с рассказом Геродора о Геракле) версии этих историй сильно разнились, подобно истории Дионисия об Ахилле, мчащемся на колеснице по берегам Кальпы.

Блаватский, 1978 — Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978. № 3. С. 80–89.

Граков, 1950 — Граков Б. Н. Скифский Геракл // КСИА. 1950. Вып. 34. С. 7–18.

Asheri, 1978 — Asheri D. On the “holy family” of Astacus // Studien zur Religion und Kultur Kleinasien / Eds. E. Schwertheim, S. Sahin, J. Wagner. Leiden: Brill, 1978. Vol. 1. P. 93–98.

Brauer, 1974–1975 — Brauer G. C. The kalpe. An agonistic reference on several Greek coins? // San. 1974–75. Vol. 6, no. 1. P. 6–7.

Braund, 2009 — Braund D. The Baksy krater, Teutaros and Heraklion: Heracles and the Scythian bow in Graeco-Scythian art and culture(s) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы МНК / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 113–125.

Braund, 2010 — Braund D. Teutaros, the Scythian teacher of Herakles // Onomatologos: studies presented to Elaine Matthews / Ed. R. Catling. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 381–389.

Braund, 2016 — Braund D. Deukalion the Scythian // The Black Sea in the light of new archaeological

data and theoretical approaches: Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 18–20 September 2015 / Ed. M. Manoledakis. Oxford: Archaeopress, 2016. P. 67–73.

Braund, 2018 — Braund D. Greek religion and cults in the Black Sea region. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 314 p.

Braund, 2019a — Braund D. Clashing traditions beyond the Clashing Rocks: (un)ethical tales of Milesians, Scythians and others in archaic and later colonialism // Advances in ancient Black Sea studies: historiography, archaeology and religion: The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20–24, 2018 / Eds. V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A. Pázsint. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2019. P. 79–108.

Braund, 2019b — Braund D. Dancing around the Black Sea: Xenophon, Pseudo-Scymnus and Lucian's bacchants // Ancient theatre and performance culture around the Black Sea / Eds. D. Braund, E. Hall, R. Wyles. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 470–489.

Cairns, 2011 — Cairns F. Artakes and Hylaea in

- Propertius 1.8.25-6 // *Cambridge Classical Journal*. 2011. Vol. 57. P. 1–8.
- Chaniotis*, 1988 — *Chaniotis A.* Historie und Historiker in den griechischen Inschriften: epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie. Stuttgart: Franz Steiner, 1988. 426 p.
- Dana*, 2011 — *Dana M.* Culture et mobilité dans le Pont-Euxin: approche régionale de la vie culturelle des cités grecques (*Scripta antiqua*, 37). Bordeaux: Ausonius Éditions, 2011. 608 p.
- Devereux*, 1964 — *Devereux G.* The Enetian horses of Hippolytus (Euripides, Hippolytos, 231,1131) // *L'Antiquité Classique*. 1964. Vol. 33. P. 375–383.
- Golden*, 2004 — *Golden M.* Sport in the ancient world from A to Z. London: Routledge, 2004. 205 p.
- Hall*, 2019 — *Hall E.* The tragedians of Heraclea and comedians of Sinope // *Ancient Theatre and Performance Culture around the Black Sea* / Eds. D. Braund, E. Hall, R. Wyles. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 45–58.
- Harris*, 1972 — *Harris H. A.* Sport in Greece and Rome. Ithaca: Cornell University Press, 1972. 288 p.
- Head*, 1911 — *Head B. V.* *Historia nummorum*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1911. 966 p.
- Hupe*, 2006 — *Hupe J. (ed.)*. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die Römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung. Rahden/Westf.: Leidorf, 2006 (*Internationale Archäologie*. Bd. 94). 270 p.
- Hutchinson*, 2013 — *Hutchinson G.* Greek to Latin: Frameworks and Contexts for Intertextuality. Oxford: Oxford University Press, 2013. 438 p.
- Kindstrand*, 1976 — *Kindstrand J. F.* Bion of Borysthenes. Uppsala: University Press, 1976. 310 p.
- Lubotsky*, 2004 — *Lubotsky A.* The Phrygian Zeus and the problem of the “Lautverschiebung” // *Historische Sprachforschung*. 2004. Vol. 117. P. 229–237.
- Magie*, 1950 — *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton: University Press, 1950. 661 p.
- Oller Guzman (в печати) — *Oller Guzman M.* Racing for love: Achilles and Iphigenia in the Black Sea.
- Robu*, 2014 — *Robu A.* Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de la Propontide et du Pont-Euxin: histoire et institutions. Bern: Peter Lang, 2014. 544 p.
- Thuillier*, 1988 — *Thuillier J.-P.* Les “cursores” du cirque étaient-ils toujours des coureurs à pied? // *Latomus*. 1988. Vol. 47. P. 376–383.
- Tunkina*, 2007 — *Tunkina I. V.* New data on the panhellenic Achilles sanctuary on the Tendra spit (excavation of 1824) // *Une koinè pontique: cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer noire (VIIe s. a.C. — IIIe s. p.C.)* / Eds. A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2007. P. 225–240.
- Turner*, 1920 — *Turner F. J.* The frontier in American history. New York: Barnes and Noble, 1920. 247 p.
- Wiseman*, 1985 — *Wiseman T. P.* Catullus and his world. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 287 p.

Between Bithynia and Borysthenes: from Achilles' racecourses on the Kalpe to the arrival of Aphrodite in Hylaea

D. C. Braund

Dionysios of Olbia is known only from a few words quoted in connection with the river Kalpe on the north coast of ancient Bithynia. The author is usually believed to be one of a very few from the northern Black Sea, but that is unlikely. We should understand Dionysios the Olbian as a citizen of one of the many communities of that name which are not Olbia Pontica. He most likely came from the Bithynian mythographical and geographical tradition in view of his interest in the obscure banks of the river Kalpe. We should probably place him in Bithynian Olbia, which was part of the synoecism that created Nicomedia in the middle of the third century BC. His location of Achilles on the Kalpe

may be understood within a Bithynian concern with Trojan matters and the formation of a mythology of place which brought together variant and even contradictory traditions around the western half of the Black Sea. Rather less certainly, Demosthenes of Bithynia was another writer in this Bithynian cultural tradition, with concerns which overlap with those of Dionysios, even if our few fragments give only a broad sense of that common ground. We may also bring Pseudo-Scymnus within this tradition. Here we have looked a little at what seems to be Propertius' use of Bithynian Demosthenes. This has taken us from Hellespontine Phrygia by way of the Bithynian writer, to Olbia Pontica. And there we have found some grounds to suspect a mythical tradition that Aphrodite had come from Syria to Hylaea. Evidently, while a great expanse of sea separated Bithynia and this Scythian shore, there was a concern in Bithynia to develop mythical and geographical tales about the same heroes deities and locations as were known in Scythia, even if (as with Herodorus on Heracles) the versions of these tales might seem to be strikingly different, as with Dionysios' conception of Achilles trotting on the banks of the Kalpe.